

УДК.94(5)
ББК 63.3(0)51

МОДЕЛИ УПРАВЛЕНИЯ НОВОПРИСОЕДИНЕННЫМИ ТЕРРИТОРИЯМИ РОССИИ XVII ВЕКА

Н.М. Рогожин, Г.В. Талина

Аннотация. *Статья посвящена проблеме управления многосоставным государством, каковым являлась Россия XVII века. Авторы выделяют четыре основных модели территориального управления: 1) управление территориями с близким к российскому уровню развития социума и властных структур, 2) управление территориями с разноуровневым развитием населения и местных властных традиций, 3) управление территориями с преобладающим служилым населением и военизированной организацией, 4) управление территориями с кочевым населением. Прослеживается динамика адаптации регионов к централизованному государству, специфика взаимоотношения самоуправления и центрального управления.*

Ключевые слова: *население, территория, власть, управление, самоуправление, казаки, черкасы, кочевники, Поволжье, Сибирь.*

MODELS OF ADMINISTRATING THE NEWLY JOINT TERRITORIES OF THE XVII CENTURY RUSSIA

239

N.M. Rogozhin, G.V. Talina

Abstract. *The article deals with the problem of administrating such a multi-state, which the 17th century Russia was. The authors distinguish four main models of territorial administration: 1) management of territories with a close to the Russian level of development of society and power structures, 2) management of territories with different levels of development of the population and local power traditions, 3) management of territories with a predominantly serving population and militarized organization, 4) management of territories with a nomadic population. The dynamics of adaptation of regions to a centralized state, the specifics of the relationship between self-government and central government are traced.*

Keywords: *population, territory, power, administration, self-government, cossacks, Circassi, nomads, Volga region, Siberia.*

Мощный властно-государственный фактор, постепенное превращение России в империю с сильным централизованным управлением становился прямым следствием включения в состав Русского государства огромных, мало связанных между собой территорий, населенных разными народами с собственными государственными структурами, историческими традициями, правящими династиями и этническими элитами. Степень приспособления к условиям России во многом зависела от времени колонизации того или иного региона, уровня ее властной организации до вхождения в состав России.

Историография проблемы развития регионов России XVII века обширна. С начала 1990-х гг. научный интерес к вопросам интеграции отдельных территорий и национальных окраин в состав Русского государства существенно возрос. Однако в силу разнородности регионов и специфики источникового материала большинство исследований традиционно группируются по таким блокам, как история Сибири, история Поволжья, история казачьих земель на Дону, Урале, Тереке и т.д. Далеко неполный перечень работ, содержащийся в списке литературы настоящей статьи, наглядно демонстрирует данную особенность исторического регионоведения. В рамках детального изучения отдельных регионов существенное внимание уделяется особенностям их управления при взаимодействии органов центральной и местной власти.

Значительный накопленный материал позволяет говорить не только о специфике той или иной местно-

сти, но и выделять наиболее характерные управленческие модели взаимодействия «центр — регион», что и является целью данной статьи. Ее достижение позволит рассматривать Россию как единый сложный управленческий организм, что является значимой научной задачей. Одновременно с этим четкая типологизация местных управленческих моделей — основа включения изучаемого материала в учебные курсы, ориентированные на обучающихся разных возрастных групп и направленности подготовки.

Поставленная цель предполагает решение таких задач, как:

- выявление основных институтов местного управления на момент вхождения региона в состав России, определение их жизнеспособности и трансформаций в составе единого государства,
- характеристика новых управленческих структур, появившихся в процессе русской колонизации, определение основного вектора эволюции регионального управления в составе единой России.
- характеристика условий и принципов взаимодействия центральной власти с органами местного управления и самоуправления,
- определение основной идеи, в которой для местного населения выражалось признание подданства русской короне.

Первая модель взаимоотношений «центр — регион» — это территории, ставшие частью России до наступления XVII столетия, при условии, что уровень властных и управленческих отношений в период самостоятельности будущего российского региона был близким к развитию

самой России. Наиболее характерный пример — Казанское ханство.

Присоединение Казани стало точкой отсчета в создании Российской империи. До присоединения к России местный государственный строй основывался на золотоордынских и общемусульманских традициях. Ханская власть во многом была сродни царской, при хане по всей стране функционировал многочисленный чиновничий аппарат — сборщики налогов, таможенники, судьи; государство делилось на провинции-даруги, а те — на уделы, управлявшиеся знатью — беками и мирзами. Формально важнейшие вопросы решались на курултаях — съездах представителей всех свободных сословий; в действительности же политика вершилась аристократическими группировками беков. Значительного разрыва и диссонанса в уровне развития государственных структур между Россией и ханством не было. Иван IV не был перлым русским государем, интерес которого обратился бы к Казанскому ханству. Еще при его деде Иване III в 1487 г. русское войско свергло хана Али и посадило на трон ставленника Москвы Мухаммеда-Амина, а титул Московского государя пополнился титулом «князь Болгарский». Вхождению в состав России данной территории предшествовали отношения протектората, при котором хан и курултай практически не могли выбирать себе нового государя без ведома Москвы. При смене правителя и приходе к власти новых властных группировок эти условия нередко нарушались. С 1521 г. (прихода к власти Сахиб-Гирея) и до конца существования Казанского ханства го-

сударство было враждебно России, а его отряды вторгались в пределы Московского государства. Главную роль в присоединении региона сыграло военное превосходство Московского государства, но повстанческое движение продолжалось, по меньшей мере, до 1557 г. [1, с. 152–159].

Сложность нового региона Москва оценила по достоинству и с первых шагов его вхождения в Россию. На данной территории начался управленческий эксперимент, удачность которого предопределила развитие новой системы местного управления, свойственной всему XVII столетию. Эта система состояла в сочетании вновь создаваемого приказа с территориальными полномочиями (в данном случае — Приказа Казанского дворца, с XVII в. в его ведении остались Казань с районами Среднего и Нижнего Поволжья и Приуралья) и воеводской администрации (в этом регионе — казанского и свияжского воевод, им соответственно подчинялись территории левобережья и правобережья Волги) [2; 3; 4]. В случае Казани воеводское управление даже на ранних этапах не стремились сочетать с деятельностью прежних носителей власти. В лучшем случае участие татарских беков — вывоз в Центральную Россию. На уровне низовой администрации, в волостях, правительство сохранило «лучших людей» — татарских мурз, чувашских, марийских и удмуртских сотенных князей. Воеводы назначались царем из представителей высшей русской феодальной знати. Как и везде в России в более поздний период воеводы составляли списки людей, состоящих на государственной службе, наделяли их землей («по-

местными окладами»), собирали подати, вершили суд и расправу, должны были привлекать на службу крещеных татар и торговых людей — купцов. В их подчинении находились дьяки, подьячие, толмачи и другие должностные лица, которые объединялись в органы управления — «избы». Воеводам подчинялись также стрелецкие гарнизоны во главе со стрелецкими головами.

Специфика края — изначально мусульманская территория. Политика России — активная христианизация населения, организация епархии, а затем митрополии РПЦ, наделение церковных иерархов не только духовными, но и административными полномочиями. Христианизации при этом должна была проводиться не только насильственными мерами, но и путем предоставления податных льгот лицам, перешедшим в православие.

Учитывая изначальный характер деятельности социальной верхушки местного общества, основной идеей, втягивающей данную прослойку в общероссийское государственное строительство, становилась служба русскому (а теперь уже — своему) царю. Для XVII столетия данная идея, как в Центральной России, так и в ряде ее новых территорий, приобретает особое значение. В результате Смуты начала века представления о службе царю существенно трансформировались. Если ранее служба государю воспринималась как способ служения Богу, то теперь царь представлялся не только как наместник Бона, но и приобретал личностные черты. Такие понятия, как царская честь, царская воля, государево дело, прочно вошли

в сознание подданных. Документально идею службы монарху на новом уровне оформило Соборное уложение 1649 г., появившиеся и закрепившиеся в середине XVII века привсяги служилых людей. Немалую роль в понимании службы в России сыграла практика создания полков нового (иноземного) строя, восходящая к 1604 году, но прочно закрепившаяся в период Смоленской войны. Служение русскому монарху иностранцев, людей изначально иной веры приобретало достаточно массовый характер. В самом Казанском ханстве еще до присоединения его к Московскому государству русское правительство играло на противоречиях местной знати и использовало часть татарской феодальной верхушки в борьбе за овладение Средним Поволжьем.

Формирование прослойки служилых татар было свойственно как второй половине XVI, так и XVII веку. Они использовались в качестве переводчиков, посланников, участвовали в военных походах, охране границ Российского государства, получая за службу поместья, денежное и хлебное жалование, привилегии в торговых-ремесленных занятиях. По материалам Писцовой книги 1602–1603 гг. крупных землевладельцев, имевших более 100 четвертей пашенной земли (около 50 га) было чуть более одного десятка, а основная масса служилых татар была представлена мелкими землевладельцами — верной опорой царского правительства. Основная масса служилых татар входила в поместные войска, жившие у себя дома, но обязанные выступить в военный поход с вооруженными слугами в случае опасности. В XVII веке

казанские служилые татары принимали участие почти во всех походах войск Российского государства против Речи Посполитой, против крымских татар. В 1651 году их насчитывалось 9113 человек — конных воинов — 6,5% от всего состава российской армии [5].

Еще в XVI веке на казанских землях появилась значительная прослойка русских помещиков, православного духовенства, русского трудового населения. Во второй половине XVII века число поместий русских служилых в Казанском уезде увеличилось в два раза. Это приводило к тому, что, во-первых, служилые татары беднели и теряли свои земельные владения, а во-вторых, к концу XVII — началу XVIII века служилое сословие у татар распалось, переставало ощущать себя единым целым с общими интересами. С точки зрения Русского государства этот процесс носил позитивный характер, поскольку общий вектор политики государства и развития высшего светского сословия состоял в консолидации боярско-княжеской-аристократии и дворян, центральных и местных представителей светской элиты. В конечном итоге любая когда-то «новая» территория должна была преобразоваться в одну из многих единообразно управляемых и функционирующих территорий.

Служилая верхушка составляла лишь незначительную часть населения любой территории, входившей в состав России, а следовательно, требовалась и некая идея, лежащая в основе подданства всего нового населения России ее государю. С одной стороны, такой идеей становилась идея «государя-батюшки», некоего

единого покровителя всех и каждого, для татар царь — преемник хана. С другой стороны, Новое время — тот период, когда умозрительные построения все более уступали место конкретным проявлениям государственной политики как государственного интереса. Последний же, в частности, состоял в пополнении казны. В итоге главной связью власти и общества выступало налогообложение. Еще при организации власти над завоеванными Казанским и Сибирским ханствами местному населению было велено платить подати (ясак) в царскую казну в тех же размерах, «якоже и прежним казанским царем» [6, с. 81]. Сохранение принципа ясачного обложения служило не только инструментом осуществления власти русского правительства над новоприсоединенными территориями, но и средством наименее болезненного вовлечения их населения в систему российского подданства. Отвечая на вопрос: кем становился русский царь для нерусских новых народов в составе России, можно сказать — это тот, кто единственный мог требовать выплаты податей и определять их размер.

В Казанском крае население владело пашенной землей и сенокосами в соответствии с выплачиваемыми ясаками. Ясак в данном регионе являлся такой же единицей обложения, как в центре соха или двор (подворное обложение началось в России с 1646 г. при Алексее Михайловиче, а полостью было установлено при его сыне Федоре Алексеевиче). К концу царствования Михаила Федоровича (1642) существовали единицы обложения в целый ясак, половину и четверть ясака. При Алексее Михайло-

виче в 1649 — 1650 гг. к ним добавлялась единица обложения в 3/4 ясака. В середине XVII века были установлены нормы земельного содержания ясака. На целый ясак приходилось от 4,5 до 9 десятин пашни и от 7 до 10 десятин сенокоса. Во вновь заселяемых районах размер ясака был практически в два раза выше [7, с. 107–115].

Вторая модель характеризуется, с одной стороны, вхождением территории в состав России на протяжении XVI–XVII веков, а с другой — неоднородностью развития отдельных частей данной территории до присоединения к России. Наиболее характерный пример — Сибирь.

Кроме татар «Кучумова царства», ни один народ здесь, в глазах московской администрации, не обладал полноценной государственностью [1, с. 216]. Сибирь в составе России обладала уже иными специфическими особенностями — сочетанием, переплетением местного и пришлого населения. Каждый сибирский уезд представлял собой территорию с прилегающими к центру (городу и острогу во главе с воеводой) русскими селениями (заимками, деревнями, селами, слободами) и несколькими удаленными ясачными волостями, где проживало местное население. К 1630-м годам XVII века в Сибири имелось 9 городов и 6 острогов, ставших уездными центрами. К концу века уездных центров было 19 [8, с. 144]. Пришлого население отличалось этно-национальной пестротой. Первые гарнизоны пополняли ссыльные — выходцы из-за рубежа — литва, черкесы, немцы. На царскую службу перешла татарская военная знать, опорой власти были

кодские ханты. Представителей коренного населения, приняв крещение, согласно царскому указу, также верстали в службу [9, с. 27]. Другой особенностью населения являлась диспропорция полов в пользу мужчин, что приводило к заключению браков с «сибирскими инородцами», а также смешанных браков между выходцами из разных российских районов и иноземцами. В отличие от Центра России в Сибири не было жесткой обособленности сословий по принципу рода деятельности и месту жительства. Служилые люди активно занимались производительным трудом и торговлей, положение людей определялось их личными качествами, что обуславливало интенсивную вертикальную и горизонтальную социальную мобильность [10].

Схема управления территорией посредством нового территориального приказа в сочетании с воеводским управлением, порожденная в Казани, была распространена и на Сибирь. Между тем традиции, приносимые пришлым населением, предопределили существенную роль самоуправленческих структур. С началом колонизации появились крестьянские миры, затем посадские органы управления. В своем понимании власти могли «восходить» и до активного диалога с царем и правительством посредством челобитных.

В 1599 г. при Борисе Годунове все управление Сибирского края сосредоточилось в ведении Казанского и Мещерского дворца. В рамках этого ведомства выросла Сибирский приказ, ставший самостоятельным при Михаиле Федоровиче Романове, в 1637 г. Приказ ведал административный аппарат всех сформировав-

шихся уездов края, военные силы, внешнеполитические связи, сбор ясака, торговых пошлин, различные денежные и хлебные сборы, хозяйственные вопросы.

До середины XVII века существенную роль играло инородческое управление. В этот период русское правительство не вмешивалось во внутреннее устройство племен. Пока его основной задачей был сбор ясака с опорой на родоплеменную знать. С середины XVII века роль приказной, воеводской, мирской системы управления все более расширялась, наступал период ее расцвета. В этой традиционно русской системе места родоплеменной знати более не находилось. Она стала утрачивать свои функции, которые постепенно переходили к русской администрации. Местные княжеские роды уже не использовались воеводским управлением в своих целях, они низводились до рядовых ясачных людей. Вместо лучших людей племени русская администрация становилась высшей судебной инстанцией, к ней же переходила функция сбора ясака. Территории, изначально занимаемые автохтонным населением, постепенно сокращались. На их месте строились новые русские города. Одновременно с этим политика русского правительства в третьей четверти XVII столетия сохраняла ряд прежних устоев. Запрещалось крестить инородцев. («Новокрещень» выходили из состояния ясачных людей и переставали платить ясак), что считалось невыгодным.

Во второй половине XVII века в Сибири развивалось и усиливалось мирское самоуправление. Этот процесс не носил стихийного характера, одобрялся центральным правитель-

ством, которое рассматривало систему самоуправления как силу, компенсирующую недостатки воевод. Мирские общины Сибири общались с центральной властью посредством челобитных. Миры могли обвинить воевод или приказчиков даже в «государевом деле», спровоцировать сыск против них, добиться отстранения от должности. Однако миры могли и поддержать хорошо справлявшегося со своими обязанностями воеводу, ходатайствовать о продлении на очередной срок его полномочий [11; 12].

Сибирь — пример взимания ясака в «классическом» его понимании. На протяжении всего XVII века этот регион являлся объектом ограниченной ресурсной эксплуатации, сфокусированной на главном богатстве региона — ценной пушнине. Сибирский приказ, ежегодно отсылая в Сибирь хлебное и денежное жалованье, стремился привести размер расходов к балансу с неясачными сборами и налогами, в первую очередь, поступающими от таможенных сборов. Что же касается «ясачной царской казны», то ее оставляли в неприкосновенности, рассматривая как источник чистого государственного дохода. Начиная с царствования Алексея Михайловича, стала стремительно расширяться и дробиться на специализированные функции производственно-коммерческая часть Сибирского приказа — Расценная, Купецкая, Казенная, Скорняшная палаты, опиравшиеся на широкую сеть агентов и штат экспертов мехового дела. Дело приемки, оценки, учета поступающей пушнины было отлажено до мелочей. Была налажена разветвленная система сбыта, реагирующая на объемы поступлений и спроса [13, с. 29–31].

Третья модель — это входившие в состав России территории с населением, ориентированным на военную деятельность, таким, как казачество, черкасы.

Традиционно казаки делились на служилых и вольных, но на постоянную службу к правителям сопредельных стран они нанимались, будучи вольными, что стирает грань между категориями. У казаков умение всегда компенсировало численность. В начале XVII в. вольного казачества (включая запорожцев) было около 14 тыс. человек: на Дону — от 3 до 9 — 10 тыс. казаков, на Волге — около 3 тыс., на Тереке — от 500 до 1000. В 1650–1670 годы показатели изменились незначительно: на Дону — более 10 тыс. человек, на Яике — около 2 тыс., на Тереке — всего 500. К концу XVI – началу XVII века с точки зрения национальной принадлежности среди казаков на Днепре преобладали украинцы, на Дону, Волге, Яике и Тереке — русские. Казаки изначально — многонациональны, среди них можно было встретить и татар, и турок, и молдаван, и греков, и кавказских горцев (на Тереке) и др. Главной особенностью этого мира стало не разграничение по национальному признаку, а напротив, соединение в единую казацкую массу. Казачья вольность стала важным оружием в борьбе с татарами и турками. Казаки сопровождали и охраняли посольства, поставляли разведывательные сведения, «чинили воинский промысел» над враждебными кочевниками, временно включались в состав действующей армии в ходе войн, которые вела Россия. От правительства в качестве жалованья они получали

деньги, хлеб, оружие, порох, свинец, сукно, холст, вино и другие припасы. Отношения Москвы и казаков постепенно превращались из союзнических в вассальные. Самой сложной задачей стало привести данное служилое сословие к присяге. Донское казачество было вынуждено официально принести присягу на верность Московскому царю только после подавления антиправительственного выступления под предводительством С. Разина в 1671 г. Присяга для казаков, в том числе, означала прекращение самостоятельных дипломатических отношений с соседними странами. Это обязательство нарушалось донскими казаками, но шаг от вассальных отношений к подданству Московскому государству ими был сделан. Вскоре за донскими казаками в аналогичном положении в 1680-х годах оказались яицкие казаки, переведены из ведомства Посольского приказа в ведомство Приказа Казанского дворца [1, с. 184–198; 14].

Казаки служили не только России, но и Речи Посполитой. После битвы под Берестечком 1651 г. и подписания Белоцерковского договора начался переход украинского населения в Россию. Для реестровых казаков причина крылась в уменьшении их численности и ограничении территории проживания. Часть украинских казаков, бежавших на территорию России от преследования шляхты, получили у нас название черкасы и использовались в основном для охраны пограничных территорий — Белгородской укрепленной черты [15, с. 415].

Русское правительство сформировало из черкас несколько особых полков. В 1650–1660-е годы такой

полк был сформирован в новом городе Острогожске (на реке Тихой Сосне). Полком командовал черкасский полковник, подчинявшийся воеводе Белгородского полка и Разрядному приказу. Его основная задача — руководство полком в период военных походов, формирование контингента черкас для охраны Изюмской черты. Полковник контролировал перевыборы сотников, очередность службы, жалование подчиненных ему людей. Он имел достаточно широкие судебные полномочия: уголовные преступления среди черкас находились исключительно в его ведомстве, полковник мог рассматривать и гражданские иски.

Власть полковника на данной территории сочеталась с традиционной для местного управления России XVII века властью воеводы. К компетенции последнего относились, с одной стороны, оборона города (строительство укреплений, разведка действий противника — татар, обмен данными с воеводами соседних территорий), с другой — проведение налоговой политики государства — взимание оброков со всего местного населения, включая черкас, различных пошлин. Воевода вел учет хлебных и соляных запасов.

И полковник, и воевода имели право наделять своих подчиненных землей. (Еще при переходе на службу в Россию черкасы получили от правительства земли и ссуды на подъем хозяйства) [16].

Четвертую, принципиально иную модель вхождения в состав России демонстрировали кочевые народы. Отношения подданства, восприятие власти русского царя здесь складывались гораздо тяжелее, да и опреде-

лить хронологическую границу и ответить на вопрос, когда же это все-таки произошло, с полной определенностью нельзя. И все же главной идеей, связывавшей Россию и эти народы, станет идея установления подданства.

Характерный пример — Калмыцкое ханство. Предки калмыков отделились от западных монголов-ойратов, подошли к сибирским территориям России при Василии Шуйском, который позволил им кочевать в пределах его державы, по рекам Иртышу и Оми. В 1610–1620-х гг. часть калмыков двинулись к Волге, заняв земли в Нижнем Поволжье и вступив в отношения с администрацией Астрахани. Русское правительство рассматривало калмыков в качестве потенциальных защитников южных рубежей государства.

С 1608 г. калмыки вступили с Русским государством в договорные отношения, которые назывались «шерть» (от араб. *šart* «соглашение, условие»). С точки зрения России шерть являлась своего рода присягой на верность. Это предопределялось тем, что Россия — представительница земледельческой цивилизации, имеющая четкое понимание границ государства, его территориальной целостности. Для такого государства разрешение кочевать на своей территории означало, что данный кочевой народ находится под властью ее монарха («навек», «неотступно»). Одновременно с этим предоставление своей территории воспринималось и как предоставление защиты — помощи русских гарнизонов в обороне кочевий калмыков от ногаев, казахов и восточных монголов [17, с. 74, 75].

Однако кочевники такими категориями не мыслили. Переходя на территорию того или иного государства, они были готовы признать его государя старшим над собой. (Старшинство определялось тем, что данный государь давал право на кочевание). В то же время кочевник «сегодня здесь, а завтра — там», для него нет старшинства в иерархии власти по принципу «от сей поры и навсегда, навечно». Для них шертные соглашения — решение конкретной, сиюминутной ситуации. Менялась ситуация, не было необходимости признавать верховенство русского царя, обязательств не стоило и выполнять.

В итоге выходило, что говорить о подданстве калмыков можно с того момента, когда они стали постоянно выполнять договорные обязательства по отношению к русской стороне. Шертными договорами 1654 и 1657 гг. было оформлено вхождение калмыцкого народа в состав России. Его представители направились на военную службу, участие в войнах стало одной из основных государственных обязанностей калмыков, сражавшихся под началом царских воевод и получать за это государево жалованье. В течение XVII в. на нижней Волге образовалось новое владение во главе с ханом, вассальное по отношению к царю и фактически в пределах Российского государства — Калмыцкое ханство. Российское правительство официально признало его в 1664 г. Ханство располагалось по обеим сторонам Волги от Астрахани до Самары и Царицына, состояло из улусов во главе с князьями-нойонами. В 1664 г. тайше Мончаку — новопровозглашенному хану были присланы из Москвы знамя и булава, украшенная по-

золотой и яшмой. О полном подчинении России пока речи не шло, поскольку в конце XVII — первой четверти XVIII в. при хане Аюке государство, с одной стороны, существенно усилилось, с другой — хан Аюка принял тибетскую инвеституру. (Калмыки — буддисты, источником их власти помимо Московского царя являлся и далай-лама). Что касается Москвы, в этот период были заключены шерты 1673, 1677, 1684 гг., последняя из которых содержала формулу перехода в «вечное и верное подданство... на договорных статьях». Сам хан вел достаточно независимую политику, а его отношения с Москвой были близки к отношениям протектората [1, с. 166–171; 18, с. 24].

Из сказанного выше можно заключить, что, в первую очередь, представления о территориальной целостности в России XVII века — это представления о множестве территорий, подданных русскому государю или вассально зависимых от него. Новые территориальные приобретения каждый раз ставили перед властью задачу их адаптации. В отношении этих регионов (для каждого в свое время) был характерен процесс, в начале которого было создание центром специального территориального учреждения, контролирующего территорию, управлявшего ей, решавшего задачи приспособления региона к общероссийским условиям, а в конце — ликвидация центрального территориального ведомства как выполнившего свою миссию — то есть включения региона в единое, централизованное государство.

Принцип функционирования в составе России XVII века различных территорий можно сопоставить с наи-

более специфическими и разняющимися друг по отношению к другу моделями, что вовсе не исключает и иных, подчас компромиссных вариантов.

К первому типу относятся регионы, ставшие частью России до XVII века, близких по уровню развития властно-управленческих структур российским структурам. Проблема вассальной зависимости и признания подданства русской короне для них остались в прошлом. Главной идеей принадлежности к России, как и для центра, была идея службы государю. Местные служилые сословия постепенно размывались как единая общность, становясь целым со всеми общероссийскими служилыми сословиями. Для неслужилых сословий объединяющей идеей становилась идея включения в единую российскую систему налогообложения, восприятия русского царя как единственного, обладающего правом сбора податей. Налоги были близки по форме российским и все более сближались с ними. На территории региона сочетались характерное для всей России воеводское управление (при назначении воевод из числа высшей русской знати) и деятельность специально созданного территориального приказа.

Другой тип представлен регионами с разным уровнем развития территории и населения, постепенной ассимиляцией местного и пришлого населения. Приказная и воеводская системы управления были характерны и здесь, но в первой половине XVII века еще сохранялась, а во второй половине столетия уже утрачивала свою роль власть местных «князьков». Тот факт, что уровень развития местного населения был

ниже уровня развития населения пришлого, а последнее приходило из разных районов России, неся свои традиции, предопределял достаточно высокую степень организации структур самоуправления, степень воздействия миров на воеводскую власть. Власть царя воспринималась как подданство, допускающее своего рода диалог с властью.

Третий тип территорий — территории с преобладанием служилых сословий. Идеи «подданство» и «государева служба» в отличие от других регионов здесь реализовались в «обратной» последовательности. Служить русскому царю можно было за денежное и хлебное государево жалованье, но это не означало, что нужно быть подданными ему. Отношения подданства выстраиваются сравнительно поздно — в последней трети XVII столетия. Преобладание на территории служилых сословий и их первенствующая роль неизбежно определяли и достаточно рано сложившуюся и при этом специфическую систему военной организации. Военное управление было более развитым, нежели управление гражданское, сохраняло свой функционал и в составе России.

Четвертый тип — территории с преобладанием кочевого населения. Их главная отличительная черта — размытость представлений о государственной границе. Кочевые народы, сталкиваясь с более сильными и организованными государственными образованиями, такими, как Россия, искали компромисса, готовы были идти на переговоры с властью, брать на себя определенные обязательства. Однако они не были готовы выполнять эти обязательства от заключе-

ния соглашения и впредь. Изменялась внешнеполитическая ситуация, изменялось и их представления о степени подчиненности центральной власти. Идея подданства формировалась тяжело, во второй половине XVII столетия, но даже тогда могла быть поставлена под сомнение этими «подданными» русского государя. Идея службы русскому государю, скорее, была выгодна Москве: использовать неплохо организованный военизированный контингент кочевников для охраны своих границ было перспективно. На деле сами кочевники использовали гарнизоны русских крепостей для охраны своих кочевий от иных кочевников. Процесс включения данных территорий в состав России в XVII веке носил незавершенный

характер, отношения «центр — регион» скорее можно охарактеризовать как отношения вассалитета, протектората. В силу этого мы не наблюдаем здесь тех органов местного управления, что были характерны для новоприсоединенных территорий России, в полной мере подданных русскому царю. Власть ханов была достаточно сильной и самостоятельной.

В целом количество территорий, которые России считала в XVII столетии своими, было больше территорий, вошедших в ее состав. Окончательно решить проблему их подданства не всегда удавалось, но механизм решения посредством поиска и апробации различных вариантов управления окраинами шел вполне планомерно и успешно.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Российское государство от истоков до XIX века: территория и власть / отв. ред. Ю.А. Петров. М.: Российская политическая энциклопедия, 2012.
2. Алишев, С.Х. Исторические судьбы народов Среднего Поволжья. XVI – начало XIX в. М.: Наука, 1990.
3. Ермолаев, И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI–XVII вв. Казань: Издательство Казанского университета, 1982;
4. Агаджанов, С.Г., Трепавлов, В.В. Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления. М.: Славянский диалог, 1998.
5. Казанский край во второй половине XVI–XVII вв. // История Татарстана и татарского народа в период с XIII по XIX вв. URL: <https://lektsii.org/15-65403.html> (дата обращения 27.06. 2019).
6. Трепавлов, В.В. «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М.: Восточная литература, 2007.
7. Дмитриев, В.Д. О ясачном обложении в Среднем Поволжье // Вопросы истории. № 12. 1956. С. 107–115.
8. История Сибири. Томск: Издательство Томского университета, 1987.
9. Никитин, Н.И. Служилые люди в Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 1988.
10. Хромых, А.С. Русская колонизация Сибири последней трети XVI – первой четверти XVII века в свете теории фронта: дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2008.
11. Шаходанова, О.Ю. Центральные и местные органы управления Западной Сибирью в конце XVI — начале XVIII века: дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2000.
12. Симачкова, Н.Н. Становление воеводской системы управления в Сибири в конце XVI – начале XVII в.: дис. ... канд. ист. наук. Нижневартовск, 2002.

13. *Зубков, К.И.* Сибирский приказ как институт регионального управления (XVII–XVIII вв.) // Уральский исторический вестник. 2015. № 4 (49). С. 26–35.
14. История Дона с древнейших времен до отмены крепостного права. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1973.
15. *Сташевский, Е.Д.* Бюджет и армия // Русская история под редакцией Довнар-Запольского. Т. III. М.: Московское учебное книгоиздательство, 1912.
16. *Гоголева, А.А.* Местная власть в Острогожском уезде во второй половине XVII – начале XVIII в.: городовые воеводы и черкасские полковники: дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2005.
17. Русско-монгольские отношения. 1607–1636 гг.: Сб. документов / отв. ред. И.Я. Златкин, Н.В. Устюгов. М.: Издательство Восточная литература, 1959.
18. *Максимов, К.Н.* История национальной государственности Калмыкии (начало XVII – XX в.). М.: Профиздат, 2000.

REFERENCES

1. Agadzhyanov S.G., Trepavlov V.V. *Nacionalnye okrainy Rossijskoj imperii: stanovlenie i razvitie sistemy upravlenija*. Moscow, Slavjanskij dialog, 1998. (in Russian).
2. Alishiev S.H. *Istoricheskie sudby narodov Srednego Povolzhja. XVI – nachalo XIX v.* Moscow, Nauka, 1990. (in Russian).
3. Dmitriev V.D. O jasachnom oblozhenii v Srednem Povolzhe, *Voprosy istorii*. No. 12, 1956, pp. 107–115. (in Russian).
4. Ermolaev I.P. *Srednee Povolzhe vo vtoroj polovine XVI–XVII vv.* Kazan, Izdatelstvo Kazanskogo universiteta, 1982. (in Russian).
5. Gogoleva A.A. *Mestnaja vlast v Ostrogozhskom uezde vo vtoroj polovine XVII – nachale XVIII v.: gorodovye voevody i cherkasskie polkovniki: PhD dissertation (History)*. Voronezh, 2005. (in Russian).
6. Hromyh A.S. *Russkaja kolonizacija Sibiri poslednej treti XVI – pervoj chetverti XVII veka v svete teorii frontira. PhD dissertation (History)*. Krasnojarsk, 2008. (in Russian).
7. *Istorija Dona s drevnejshih vremen do otneny krepostnogo prava*. Rostov on Don, Izd-vo Rost. un-ta, 1973. (in Russian).
8. *Istorija Sibiri*. Tomsk, Izdatelstvo Tomskogo universiteta, 1987. (in Russian).
9. “Kazanskij kraj vo vtoroj polovine XVI–XVII vv.”, in: *Istorija Tatarstana i tatarskogo naroda v period s XIII po XIX vv.*, available at: <https://lektii.org/15-65403.html> (in Russian).
10. Maksimov K.N. *Istorija nacionalnoj gosudarstvennosti Kalmykii (nachalo XVII–XX v.)*. Moscow, Profizdat, 2000. (in Russian).
11. Nikitin N.I. *Sluzhilye ljudi v Zapadnoj Sibiri*. Novosibirsk, Nauka, 1988. (in Russian).
12. *Rossijskoe gosudarstvo ot istokov do XIX veka: territorija i vlast*, ed. Ju.A. Petrov. Moscow, Rossijskaja politicheskaja enciklopedija, 2012. (in Russian).
13. *Russko-mongolskie otnoshenija. 1607–1636 gg.: Sb. Dokumentov*, ed. I.Ja. Zlatkin, N.V. Ustjugov. Moscow, Izdatelstvo Vostochnaja literatura, 1959. (in Russian).
14. Shahodanova O.Ju. *Centralnye i mestnye organy upravlenija Zapadnoj Sibiru v konce XVI – nachale XVIII veka: PhD dissertation (History)*. Tjumen, 2000. (in Russian).
15. Simachkova N.N. *Stanovlenie voevodskoj sistemy upravlenija v Sibiri v konce XVI – nachale XVII v.: PhD dissertation (History)*. Nizhnevartovsk, 2002. (in Russian).

16. Stashevskij E.D. *Bjuzhet i armija*, Russkaja istorija pod redakcijej Dovnar-Zapolskogo. Moscow, Moskovskoe uchebnoe knigoizdatelstvo. T. III, 1912. (in Russian).
 17. Trepavlov V.V. "*Belyj car*": *obraz monarha i predstavlenija o poddanstve u narodov Rossii XV–XVIII vv.* Moscow, Vostochnaja literatura, 2007. (in Russian).
 18. Zubkov K.I. Sibirskij prikaz kak institut regionalnogo upravljenija (XVII–XVIII vv.), *Uralskij istoričeskij vestnik*, 2015, No. 4 (49), pp. 26–35. (in Russian).
-

Рогожин Николай Михайлович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель центра истории русского феодализма, Институт российской истории, Российская академия наук, nmrogozhin@gmail.com

Rogozhin N.M., ScD in History, Professor, Chief Researcher, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Chairperson, Center for the History of Russian Feudalism, nmrogozhin@gmail.com

Талина Галина Валерьевна, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории, Институт социально-гуманитарного образования, Московский педагогический государственный университет, gtalina@yandex.ru

Talina G.V., ScD in History, Professor, Chairperson, History Department, Institute of Social and Humanitarian Education, Moscow Pedagogical State University, gtalina@yandex.ru